

УДК 81'282

Тихонова С.Ф.

Московский педагогический государственный университет

ПРОТЕТИЧЕСКИЙ СОГЛАСНЫЙ J- В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

S. Tikhonova

Moscow State Pedagogical University

PROSTHETIC CONSONANT J- IN THE EAST SLAVONIC DIALECTS

Аннотация. В статье дан краткий обзор явления протетического j- в восточнославянском ареале, в котором только белорусские и украинские говоры характеризуются устойчивой тенденцией к образованию приставных согласных. В современном языкознании проблема вариативности начальных согласных связывается с общеславянской тенденцией к образованию протез, поэтому тема рассматривалась с опорой на праславянский материал. Мы предлагаем взгляд на проблему с точки зрения современного состояния диалектов.

Ключевые слова: протетические согласные; восточнославянский ареал; диалекты; архаичный; праславянский.

Abstract. This article is a brief review of the prosthetic j- phenomenon in East Slavonic area, where only Belorussian and Ukrainian dialects are characterized as having a hard tendency to generate prosthetic consonants. In modern linguistics the question of initial sound variability is related to the Common Slavonic tendency to generate different prosthetic consonants, that is why the issue was mainly considered on the basis of Common Slavonic data. We offer an approach from the point of view of the contemporary state of dialects.

Key words: prosthetic consonants, East Slavonic area, dialects, archaic, Common Slavonic.

Протетический j является наименее распространённым среди всех типов протез, свойственный как тенденция лишь некоторым областям, в других же появляющийся лишь в виде спорадических примеров. В восточнославянском ареале говорам Полесья (белорусским и украинским говорам) наиболее свойственен этот вид протезы. Среди же всех диалектов современной Славии можно выделить два центра активного образования протетического j: белорусское Полесье и Пиринский край в Юго-Западной Болгарии [3, с. 58].

Русский язык. Протетический j в целом не свойственен русским диалектам. Хотя стоит упомянуть о словах *яблоко* и *ягнёнок*, в которых мы имеем протетический j, образовавшийся в позднюю эпоху праславянского языка. Праславянское **agne*, **agnьсь* родственно лат. *agnus* 'ягненок', греч. *αἴνός* [12, с. 544]; то же со словом *яблоко*: праславянское **ablъko* из **âblu-* родственно литовскому *âbiolas*, *âbiolys*, латышскому *âbiõls*, д.-в.-н. *apful* [12, с. 539]. Обе лексемы без приставного j не встречаются на территории не только русских диалектов, но и на территории всей Славии (за исключением Болгарии, где фиксируется форма *абълка*). Явление, которое всё же встречается в русских диалектах – это утрата корневого j, а не его образование в начале слова. Например, наряду с регулярным употреблением лексемы *юха*, *юшка* в значении 'рыбный суп' в смоленских говорах, в южных районах Красноярского края, Карелии, говорах Сибири, встречаем вариант с начальным у- в слове *ушник* в говорах Подмосковья [2, с. 520]. Интересно, что мы имеем в диалектах варианты *юха* и *уха*, но только *юшка*, и никогда *ушка*. Также интересна лексема *юша* (*жушь*) в значении 'промокший человек', зафик-

© Тихонова С.Ф., 2012.

сированная также в подмосковных говорах: *што ты ходиши юшый?* и в Ярославской области [5, с. 89].

Уникальным может считаться употребление слова *южный* без начального корневого *j*, встретившееся нам лишь однажды в говорах Прионежья: *на ужном конце деревни живут ужноконы* [10, с. 592]. Говоря о старославянской традиции, нужно отметить, что Словарь старославянского языка [11] фиксирует отпадение этимологического *j* только в *Cantus liturgici et canon de s. Vencaeslao, textus liturgici saeculo X in Bohemia conscripti nobisque in vetustis apographis russico-slavonicis conservati* [11, с. 713] (цитируется по Новгородской служебной минее конца XI в.): *паче с[ъ]лн[ъ]ца, бл[а]ж[е]не, просвети севера и оуга и запада пресветьлами зарями чудес ти*. Ни в одном из восемнадцати канонических старославянских памятников утрата этимологического инициального *j* не отмечается. В древнерусской письменности утрата корневого *j* фиксируется, например, в Изборнике Святослава 1073 года (два раза), Изборнике 1076 года (один раз), в Чудовской Псалтири XI в. (три раза), в Типографском Уставе (два раза), в Мстиславовом Евангелии (два раза), в Архангельском Евангелии 1092 г. (один раз), в Синайском Патерике (один раз), в Паренесисе Ефрема Сирина (один раз), в Успенском сборнике XII – XIII вв. (два раза) и в Христинопольском Апостоле (один раз). Таким образом, вполне можно предположить, что колебание в выборе начальной буквы в слове при его написании было подкреплено реальным живым произношением.

При образовании слов с корнем *jutro* на месте корневого *j* чаще всего встречаем согласный *v*, который, без сомнения, образовался как протетический, приставной звук, поскольку корневой *j* отпал очень давно и сейчас уже не может восприниматься носителем языка как часть корня. Об этом убедительно свидетельствуют данные Словаря старославянского языка: утрату этимологического *j* находим в Мариинском, Зографском, Ассеманиевом Евангелиях, в Супрасльской руко-

писи, в Саввиной книге, Синайском Патерике, а также в памятниках более поздней поры [11, с. 714]. Наряду с формой на *ou* встречается *jutro* в Зографском и Мариинском Евангелиях, в Синайском Патерике (Mt 27,1; 28,1 и др.) и памятниках более позднего периода. Что касается древнерусской традиции, только в Чудовской Псалтири однажды встречается лексема с начальным *j* (58.17(43в)) [6], в то время как традиционным для древнерусской орфографической традиции является употребление без *j*, то есть с утратой корневого согласного. В современных русских говорах зафиксировано множество лексем с начальным *v*, которые, чаще всего, образованы из сочетания предлога *v* с корнем *utro*: *внутри поедем, сёдне не успеем; сёдне в баню сходим, а вутре рано двинемся* [9, с. 83]; *в утре, раным рано по росе пошла* [8, с. 98]; *вутрах-то будуд доить короф-то; вутрах проснулся и на роботу; а густо, так уш вутре замешайте* [1, с. 86].

Украинский язык. Украинским диалектам знаком протетический *j* в зоне, где украинские диалекты встречаются с белорусскими на Полесье, а также спорадически в других говорах. Г.Ф. Шило приводит в пример говор села Блиставица (в 25 км восточнее Киева). Здесь доминирует протетический *j*, *v* и *z* же здесь менее распространены: *Жарина* (женское имя, производное от Ирина), *жікавка* ('икота'; в современном языке употребляется с протетическим *g*), *жіска* ('искра'), *Јовхім* (образовано от имени Иоаким, в современном языке встречаются варианты Юхим, Яким), *Јовдакім*, *Јівтух* (встречается вариант Явтух), *на јасокорі* (осокорь, чёрный тополь) vs *виwса, вил'ха, у восени, гулиця, гостри, Ганус'ка*. В селе Сосница Черниговской области зафиксированы слова *јулиця* и *јоврамка* [13, с. 236].

Белорусский язык. «На белорусской почве, как это отчасти наблюдается и в других восточнославянских языках, – пишет Е.Ф. Карский, – при некоторых условиях могут возникать *j* и *i* вторичные, являющиеся для приставки к гласным и для вставки между

ними» [4, с. 306]. Исследователь приводит примеры из белорусских песен, записанных в XIX веке: *да ягонь (=да йагонь), того ягня, тоды б ты ю хатку ўлетела, по юлочыцы ходить, по юлицы пройшов, ю постели лежала, просилася жена ю мужа, ю лузи, ю лужочку, два юланы молодые, юланы ю хату, усе травка муравица – ялыя цветочки, уси цветики ялыя* [там же]. Все из приведённых примеров записаны в Полесье (Гомельская область) в XIX в. И сегодня белорусское Полесье изобилует примерами употребления протетического *j*, представляя собой уникальную в этом отношении область. Инициальный *j* здесь присоединяется к предлогам на гласную: *юв, ю*; к префиксам на *у*: *а ек він ювмрэ – спасённая душа ж буд(э)(271); тая дівка ювзклінкнула (40); душа з тіла ювлэтіла (41); дай юв тачок юввэду, дай в подушэчку ювложу (86); ювмываеца зеллечком-татывою (197); да нэ можу ёму, свёкратку, ювгодыт(ы) (201); ювмыласа, стала хатэньку мэсті (214); ёх, чом жэ з тобою свою волю ювчыныты (229); - ювставай, дівчыно, вжэ козака хороняць (153); присоединяется к префиксам на *о* -: *ёму й горда ёдкажала (39); ой, ёдчыны ворота! (63); да сватіцы взяты, жэныхам ёддаты, гэі! (92); ёх, ёдозавса королевскый сын (98); ёдгадаеш – люблю тэбэ (104); ворывонькы взяты, соколам ёддаты, гэі! (92); зіронька взыйшла – всэ полэ ёвсвэтыла (237); присоединяется непосредственно к корню, начинающемуся с гласного: *а моі говычкы – да чорнэнькый ёчкы (135); напала роса на моі чорны ёчы (139); ёно й зосталась ёдна-ёдыныца, гэі! (92); есть юв мэна дочка ёдна-ёдыночк(а)/другой информант: е ж у мэна дочка одна-одынёчка/ третий информант: е в мынэ цурэчка одним-одынэчк(а) (55); молода дівчына кай ёкэнца ж стояла, на свого нэлюба із ёкэнца ж поглядала (171); моя коса гостра, як ніж (343); е в мэна в войску гінша чорноброва (209); пуйдэмо, дэвкы, да на юлоньку (82); пойду ж я на юлоньку, на юлоньцы забаруся (267); присоединяется к местоимениям на гласный: *ёму, ёно, юй, юсі, ювсі, ёна, ювсю, юсэ* [7, в круглых скобках приводятся номера страниц].***

Согласно предположению Е.Ф. Карского, являющегося приверженцем теории хиата, протетический *j* как в начале слова, так и в начале слога возникал «для устранения стечения гласных, для плавности речи» [4, с. 306].

Подводя итог сказанному, нужно подчеркнуть важность разграничения двух видов протетических: образовавшихся ещё в дописьменный период (таких, как *яблоко* и *ягнёнок*) и тех, что образуются по сей день (таких, как *юлица* и *ягонь*). Протетический *j*, представляя собой самый редкий вид протезы, разделяет восточнославянский ареал на две области: Полесье, куда входят белорусские и пограничные с ними украинские говоры – с одной стороны, и русские говоры, которым свойственна, скорее утрата этимологического *j*, нежели образование нового – с другой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архангельский областной словарь. Вып. 6 – 7. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 298 с.
2. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – М.: Изд-во Моск. обл. пед. ин-та, 1969. – 597 с.
3. Калнынь Л.Э. Протеза как компонент рефлексации инициального *o // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994-1996: Сборник статей / Отв. ред. В.В. Иванов. – М.: Индрик, 2000. – 336 с.
4. Карский Е.Ф. Белорусы: В 3 т. – Т. 2, кн. 1. – Минск: БелЭн, 2006. – 456 с.
5. Мельниченко Г.Г. Ярославский областной словарь: учебное пособие: в 10 вып. – Вып. 10. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1991. – 108 с.
6. Погорелов В. Чудовская Псалтырь XI века, отрывок Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. – СПб.: Императорская Академия наук, 1910. – 299 с.
7. Раговіч У.І. Песенны фальклор Палесся. У 3 т. – Т. 1. Песні святочнага календара. Мн.: Выд. Чатыры чвэрці, 2001. – 526 с.
8. Словарь говоров Среднего Урала в 7 т. – Т. 1. Ч. 1. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1964. – 207 с.
9. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Под ред. Т.Б. Юмсуновой / РАН. Сиб. отд. БГУ. – Новосибирск, 1999. – 540 с.
10. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. – Вып. 6. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. – 989 с.

11. Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 тт. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 3332 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – Т. 4. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1987 – 864 с.
13. Шило Г.Ф. Явище протези в слов'янських мовах // Вопр. слав. языкознания. Учёные записки Львовского государственного университета им. И.Франко. Т. 11. Кн. 2. – Львов: изд. Львовского гос. ун-та, 1949. – С. 229-247.